

Надежда Кремень

SELENA

КНИГА КРАСНОЙ ЛУНЫ

6+

Надежда Кремень
Книга красной луны

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кремень Н. В.

Книга красной луны / Н. В. Кремень — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Двенадцатилетняя Селена и её друг, мидав Зебу, находят на берегу раненого подростка, не подозревая, что вступили в противостояние с самым влиятельным человеком Тарии. Кто же этот мальчик, скрывающийся под именем "Гараш"? Зачем он рвётся в столицу и при чём тут ящерица? Пытаясь это выяснить, герои отправятся в рискованное путешествие, встретят могущественных врагов и обзаведутся неожиданными союзниками. Смогут ли они противостоять тем, чья власть почти безгранична? Сумеют ли спасти друга, а, возможно, и целую страну от гибели? Только Мудрейший знает ответ, потому что в его историях - сама жизнь!

Содержание

Слово его Мудрейшеству	5
Что приносит река?	6
Гараш	11
Вести из Туфа	16
Путешествие начинается	22
Принцесса Лайда	28
Мальчик из племени амату	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Слово его Мудрейшеству

С наступлением зимы обитатели Аштарского дворца стали часто собираться по вечерам в большом каминном зале. Здесь они находили тепло и уют.

Впрочем, была и ещё одна причина, по которой принц Рени, принцесса Лаэнца, шестилетний мидав Золто и малыш Саватор по прозвищу Синий Жук сразу после ужина рассаживались на подушках у огня в ожидании чуда – его Мудрейшество рассказывал истории. Развалившись в кресле, он лукаво прищурился и заводил речь о давних временах и удивительных героях, какие могут существовать лишь в стариковских воспоминаниях. Случалось, что Мудрейший подолгу молчал, задумавшись неизвестно о чём, и тогда дети сами просили продолжить рассказ.

– Расскажите нам сказку, ваше Мудрейшество, – принц Рени отодвинулся от огня. Пламя разбушевалось не на шутку, и сидеть у камина сделалось жарко.

– О нет, друг мой! – запротестовал Мудрейший. – Я никогда не рассказываю сказок! Всё, что вы услышите – чистая правда.

– Неужели вы были там и видели это своими глазами?! – воскликнула принцесса.

В её расширившихся зрачках плясали оранжевые огоньки. Его Мудрейшество прищурился:

– Был. И видел. Хотя и не всё. Я расскажу, а вы уж сами решайте, чему верить, чему – нет. Эта история началась поздним вечером, когда красная луна светила особенно ярко...

Что приносит река?

Эта история началась поздним вечером, когда красная луна светила особенно ярко. По дороге, спускавшейся к реке, бодро шагали двое. В багряном свете их черты были едва различимы, но, приглядевшись, любой распознал бы в одном из путников высокую худенькую девочку с длинными, до самой поясницы, волосами. Второй походил на огромную собаку. Его туловище от кончика носа до обрубка-хвоста было длиннее, чем у пони, а крупные стоячие уши доставали девочке до подмышек.

Юная особа спешила: подобрав платье, она двигалась быстрым шагом, если не сказать бежала. Её необыкновенный спутник, напротив, то и дело останавливался, ожидая подругу.

– Знаешь, Зебу, это была глупая затея! – звонкий девичий голос вонзился в ночную тишину, как нож в тёплое масло. – Никлас меня убьёт! Мы же обещали вернуться до темноты!

– Тогда бы мы не увидели харлатусов¹! – возразил Зебу.

Морда его при этом оставалась абсолютно неподвижной – гнусавый мальчишеский голос возникал будто бы ниоткуда.

Девочка хмыкнула.

– К тому же, – продолжал Зебу, – Никлас мухи не обидит.

– Насчёт мухи – не знаю. А меня он запросто лишит сладкого или хуже того – запретит гулять!

– Он и не заметит, вот увидишь! Мы только спустимся к реке, глянем на харлатусов, и – назад. Отец говорит: при средней луне они всегда сбиваются в стада. Когда же на них смотреть, если не в краснолуние?

– В белолуние, например, – съехидничала девочка.

Зебу тряхнул головой:

– Нет, Селена, это совсем не то. К примеру, мы, мидавы, собираемся на Большую Охоту каждое краснолуние. В этот раз отец обещал взять и меня, да только...

– Это из-за восстания, да?

– Из-за чего же ещё?!

– Расскажи! Я ведь почти ничего не знаю!

– Нууу, – протянул Зебу, – я и сам знаю немного. Почти нечегошеньки...

По его тону легко угадывалось обратное.

– Издеваешься, да? – надулась Селена.

– И в мыслях не было! – мидав лукаво прищурился. – Мы ведь дружим всю жизнь! Целых двенадцать лет!

– Не больше десяти!

– Будто ты помнишь!

– Не помню. А ты?

– Припоминаю... Смутно.

– Не сочиняй!

– Ничего я не сочиняю! А хоть бы и так. Всё равно ты – моя лучшая подруга.

– Ты тоже мой лучший друг, Зебу. Лучший и единственный. Есть ещё Риша, но она совсем не разговаривает.

– Я тоже не разговариваю. То, что ты слышишь – иллюзия. Я просто могу передавать тебе свои мысли.

---

¹ Харлатус («пресноводная свинья») – крупное млекопитающее, живущее в реках и озёрах Тарии. Напоминает тюленя, покрытого тёмно-серой шерстью.

– Знаю. Но, Зебу, лучше слышать иллюзию, чем вообще ничего не слышать, – она ненадолго задумалась. – Можешь показать человека?

– Прямо сейчас?

Селена кивнула, и Зебу растворился в воздухе.

Несколько шагов девочка сделала в кажущемся одиночестве, и вот слева от нее показались контуры мальчишеской фигуры. Спустя несколько мгновений, силуэт обрёл чёткость. Теперь вместо молодого мидава по дороге шёл пухленький мальчик небольшого роста.

– Как ты это делаешь? – в очередной раз изумилась Селена.

– Каждый мидав, – Зебу даже поднял вверх указательный палец для убедительности, – с детства умеет создавать иллюзии. А когда вырасту, начну чують.

– Как это «чують»?

– Ты разве не знаешь?!

– Знаю, конечно, только понять не могу.

– Я и сам пока толком не понимаю. Отец говорит, пойму, когда придёт время. Чутьё – это когда ты можешь предсказать, что будет.

– Значит, у меня тоже чутьё, – хихикнула Селена. – Я могу предсказать, что мне сегодня крепко влетит от Никласа. А не от Никласа, так от Доры.

Мидав расхохотался, да так задорно, что Селена тоже не смогла удержаться от смеха. При этом она случайно коснулась плеча Зебу, но рука не прошла насквозь, как можно было подумать, а натолкнулась на вполне правдоподобную человеческую плоть. Мидавы умеют создавать иллюзии так, что ни на глаз, ни на ощупь отличить их от людей почти невозможно.

– Расскажи про восстание, – попросила девочка, отсмеявшись. – Ты же всё-всё знаешь.

– Ну, хорошо, – смилостивился Зебу, вновь обретая собачьи черты, – кое-что мне известно. Восстание началось в третью луну. Мудрейший Шамшан переманил на свою сторону почти всё войско...

– А дядя Зак? Он тоже поддержал Шамшана?

– Мой отец – солдат, – гордо заявил Зебу. – Он получил приказ от глимана Ривая и должен был подчиняться.

– Значит, Рати Ривай поддержал Шамшана, а за ним пошла вся армия. И что потом?

– Потом они захватили короля.

– Что значит «захватили»? Взяли в плен?

– Можно сказать и так. Захватили короля со всей семьёй, а ещё Тумая, его жену и троих сыновей...

– Тумая Великого?

– Отец говорит, он был очень важный человек – Первый марсий. Важнее короля.

– Никто не может быть важнее короля!

– А вот и может!

– Король – самый главный! Это всем известно.

– Мой отец лучше знает, кто главный!

Больше Селена спорить не решилась. Очень уж хотелось услышать продолжение истории, а из обидевшегося Зебу и слова не вытянешь.

– А дальше? – осторожно напомнила она.

– Их убили, – мстительно отрезал Зебу. Значит, всё-таки обиделся.

– Всех? – ахнула Селена.

– Почти. Только принцесса Лайда сбежала. Её до сих пор ищут.

– Дядя Зак был там?

– Во дворце? Нет. Их отправили охранять дороги в город, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти. Там и сейчас ещё дежурят патрули: люди с собаками и мидавы, конечно.

– Если они следили за всеми дорогами, то куда же подевалась принцесса? Не могла же она остаться в городе...

– Могла – не могла... Да вот мы уже и пришли.

Действительно, за разговором они не заметили, как спустились к реке.

Тут царило обычное вечернее безветрие, и глянцево-чёрная поверхность воды казалась неподвижной, несмотря на течение. Только красная луна рисовала на гладком холсте трепещущие блики. Ни обещанных Зебу стад, ни даже одного-единственного харлатуса не было видно. С реки тянуло прохладой. Где-то на другом берегу вспыхивали и гасли неведомые огоньки.

– Чувствуешь, какой запах? – Зебу шумно втянул воздух, точно пробуя его на вкус.

Селена принялась. Пахло рекой, по-другому не скажешь. Каждый знает, как пахнет река. С детства знакомый запах – ни с чем не спутаешь.

– Похоже, сегодня твои стада пасутся не здесь, – девочка подошла к самой кромке воды и принялась ковырять каблукком ямки во влажном песке.

Зебу встрепенулся:

– Какой странный запах! Так пахнет... – он завертел головой, всматриваясь в темноту.

– Что? – Селена изо всех сил пыталась разглядеть то, что привлекло внимание друга, но, как известно, зрение у людей и при свете слабое, а уж в темноте-то – и говорить нечего.

– Харларлатус, – прошептал Зебу.

Селена проследила за его взглядом и чуть не взвизгнула от неожиданности. Шагах в двадцати, близ тростниковых зарослей, у самой воды лежало что-то крупное, размером с человека.

– Это коряга... – неуверенно предположила девочка.

Во-первых, ей нравилось находить простые ответы на все вопросы, а во-вторых, коряга куда безобиднее, чем пресноводная свинья харлатус, которая хоть и неагрессивна по природе, а всё же кто её знает?!

– По-моему, харлатус, – не унимался Зебу. – Только он, кажется, мёртвый.

– Харлатус большой и жирный, – к Селене, наконец, вернулось обычное здравомыслие. – А это на него совсем не похоже.

Зебу оглядел её с ног до головы, потом перевёл взгляд на предполагаемую корягу и кивнул:

– Похоже, не харлатус. Разве что детёныш.

– Давай подойдём и посмотрим, – неожиданно для себя предложила Селена.

Зебу попятился:

– Нетушки, нам домой пора. Тебя Никлас убьёт, меня – Дора!.. Пойдём отсюда.

Уговаривая Селену, он не спускал глаз с несостоявшегося харлатуса, точно опасался, что тот вот-вот оживёт и набросится на зазевавшихся детей. Зато Селену охватило любопытство.

– Зебу, ты такой большой. Тебе никакой харлатус не страшен. Ты любого харлатуса в два счёта пополам перекусишь.

Мидав колебался.

– А что если... – теперь голос его звучал чуть слышно. – Если это не харлатус, а...

– Кто?

Зебу вздрогнул:

– Ярга... или... или... выползень.

– Не говори ерунды! – рассердилась девочка и даже топнула ногой от возмущения. – Ярг не существует. И выползней – тоже. Это всё басни для малышей! Такой большой, а сказки веришь! Вот уж не думала!

Она покосилась на неведомый предмет, но тот по-прежнему лежал без движения.

– Ну и ладно! – Селена решила пристыдить друга. – Не пойдёшь – не надо! Сама посмотрю.

Сказав это, девочка решительно двинулась к тростниковым зарослям.

– Ты там поосторожнее, – запричитал Зебу. – А я... Если что... Я здесь... Попролам разорву!..

Приблизившись, Селена разглядела то, что послужило причиной их с Зебу спора. Это был никакой не выползень, а самый обыкновенный человек. Небольшой – похоже, ребёнок или подросток. Он лежал ничком на песке, раскинув руки и неестественно вывернув левую ногу. Сначала Селена подумала, что мальчик мёртв (да и кто бы решил иначе?) и, конечно, испугалась, но назад отчего-то не повернула.

Она попыталась было перевернуть мальчика на спину, однако тот оказался на удивление тяжёлым. Тогда Селена прижала два пальца к шее мальчишки, как учил её Никлас. Там, под нижней челюстью, должна быть у живого человека пульсирующая жилка.

Закостеневшие от страха пальцы почти не слушались, и девочке потребовалось немало времени, чтобы отыскать правильную точку, но тут она, наконец, нащупала пульс. Мальчик был жив!

– Зебу! – позвала Селена. – Иди скорее сюда!

– Там выползень? – послышался приглушённый голос мидава.

Зебу отбежал на добрых двадцать шагов, и теперь взирал с безопасного расстояния.

– Сам ты выползень! – огрызнулась девочка. – Иди сюда, никто тебя не съест!

Зебу приблизился, опасно косясь на мальчика:

– Он мёртвый?

– Живой. Помоги мне!

Вместе они кое-как перевернули парнишку на спину. Мальчик не издал ни звука. Он был без сознания. Его одежда промокла, спутанные волосы прилипли ко лбу, а кожа была такой горячей, что не оставалось ни малейшего сомнения – у подростка сильный жар.

Был бы тут Никлас! Никто лучше него не разбирается во всяких целебных отварах, настоях, порошках, примочках и натирках. Раньше, ещё до рождения Селены, Никлас даже служил придворным лекарем – лечил короля, королеву и самых знатных жителей Тарии.

– Зебу, мы должны отнести его домой, – прошептала Селена.

– Мы же не знаем, где он живёт!

– Не к нему – к нам домой. Никлас его вылечит.

Зебу явно не разделял её уверенности:

– Слушай, может нам сбегать за взрослыми, а? Пусть сами решают, что с ним делать.

Селена смахнула со лба мешавшую прядь:

– Он может умереть. У него жар. Нельзя бросать его здесь, на мокром песке! Прошу тебя, Зебу! Ты ведь можешь отнести его к нам?

Зебу не стал спорить – лёг на песок, подставляя спину.

Затащить мальчишку наверх оказалось непросто. Весил он, должно быть, больше Селены и к тому же лежал пластом, полностью расслабившись. Сначала девочка пыталась толкать его, после принялась тянуть за руки. Наконец, ей удалось затащить бесчувственного подростка Зебу на спину. Мидав крикнул, тяжело поднявшись:

– Он весит как слон!

– Ты преувеличиваешь!

– Наверяд ли.

Процессия двинулась к дому по залитым красным светом улицам. К счастью, никто не попался им навстречу, только соловьи выводили в кустах разноголосые трели.

Открывший дверь Никлас на мгновение застыл в проёме, переводя взгляд с Селены на Зебу и его поклажу.

Была у Селениного отца одна потрясающая черта – он никогда ничему не удивлялся, принимая как должное все необычности и невероятности мира. Казалось, появившись не пороге

его дома красный дракон или, скажем, выползень, которого так боялся Зебу, Никлас и то умудрился бы сохранять хладнокровие.

Несколько мгновений потребовалось ему, чтобы оценить ситуацию, и у Селены появилась возможность рассмотреть свою находку при свете. Мальчик был довольно высок для подростка. Его волнистые тёмно-каштановые волосы слиплись от грязи, спутались и пропитались кровью на левом виске возле уха. В темноте Селена этого не заметила. Лица мальчишки, она не видела и теперь, а жаль...

– Несём его в кабинет! – скомандовал Никлас, распахивая дверь.

– Где вы шлёпаетесь по ночам?! – раздался высокий голос Доры, и тотчас в прихожей возникла она сама.

Дора служила у Никласа с тех самых пор, когда он, овдовев, стал один воспитывать маленькую дочку. Селена привыкла считать эту крупную, шумную женщину кем-то вроде тётушки, а вовсе не прислугой. Дора учила девочку готовить, давала ей уроки рукоделия, а её пятнадцатилетняя дочь, немая с рождения Риша, давно стала Селене близкой подругой.

– Батюшки! – возопила Дора, увидев детей. – Покойника приволокли! Не в добрый час! Ох, не в добрый! Да что же это делается?! Что же это?! Я вас спрашиваю! Господин Никлас!

Селена вжалась в стенку, намереваясь прошмыгнуть мимо разгневанной домработницы, но спастись бегством не пришлось.

Никлас неожиданно пришёл ей на помощь:

– Не ругай их, Дора! Сейчас не время. Готовь инструменты. Ты мне скоро понадобишься.

Никлас вовсе не был строгим. Селена знала тысячу способов добиться от него желаемого. Только когда положение оказывалось серьёзнее не придумаешь, он становился сдержанным и резким, если не сказать суровым. И в такие минуты никто не смел ему перечить.

Обычно многословная Дора молча кивнула и ушла.

Зебу помог отнести мальчика в кабинет, который служил Никласу одновременно и лабораторией, и спальней.

Как Селена ни надеялась, что им будет позволено остаться, Никлас решил иначе. Выпроводив детей за дверь, он велел впустить Дору, когда та закончит приготовления, и закрылся в кабинете со своим пациентом.

Подглядывание в замочную скважину не принесло никаких результатов, а появившаяся вскоре Дора и вовсе велела детям отправляться в постель. Стоит ли говорить, что уснули они нескоро? Пользуясь тем, что взрослым сделалось не до них, ребята спрятались в Селениной спальне в надежде дождаться конца операции.

Прошло много времени, но из кабинета по-прежнему никто не выходил, и Селена решила, что операция продлится до утра. Тогда она попыталась отыскать Ришу Безголосую, дочку Доры, чтобы под каким-нибудь предлогом подослать её к Никласу, но Риши нигде не было. В последнее время девушка подолгу пропадала неизвестно где, и к её отсутствию в доме мало-помалу привыкли.

В конце концов, не найдя способа разузнать хоть какие-то подробности, ребята решили ещё чуть-чуть подождать, да так и уснули: Селена – свернувшись на кровати, а Зебу – рядышком, прямо на полу.

Гараш

На следующий день пришёл отец Зебу, паргалион² Закари Зегда, и забрал сына с собой. Надо сказать, что Зебу жил в доме Никласа и его дочери вторую луну, с тех пор, как в Туфе начались беспорядки.

Маленький городок Ольв, куда десять лет назад переселились отец с дочкой, стоял ниже столицы по течению и давно заслужил славу самого тихого города Тарии. Здесь никогда не устраивали народных гуляний, не жгли костров и даже по большим праздникам, вроде дня Коронации³ или дня Большого Безветрия⁴, не запускали в воздух снопы разноцветных искр. Зато для человека, больше всего на свете любящего науку это было прекрасное место – лучше не придумаешь.

Оставив придворную службу, Никлас Кариг всерьёз увлёкся научными экспериментами. Если бы кому-то пришло в голову описать все его опыты в одной книге, то книга эта вышла бы толщиной со свод королевских указов. Тут было бы много исследований в области медицины, физики, астрономии и прочих наук, некоторым из которых и названия-то ещё не придумали.

Время от времени доктор Кариг лечил кого-нибудь из местных жителей – рыбаков, крестьян, простых ремесленников, и редко брал с них плату. Однако ни приятелей, ни, тем более, друзей у него в городе не было – семья жила уединённо, принимая у себя лишь паргалиона Зегду с сыном.

Конечно, Селена скучала без компании. Особенно когда Зебу долго не появлялся в Ольве. Тогда её единственной товаркой по играм оставалась Риша Безголосая. Девочка научилась понимать язык жестов, и неплохо ладила с подругой, но в последнее время застать её дома сделалось почти невозможно. Селена подозревала, что Риша влюбилась в какого-нибудь рыбацкого сына или подмастерья, но спрашивать не решалась, ожидая, что девушка сама расскажет о своём увлечении.

Теперь, когда Зебу ушёл с отцом, Селена снова осталась одна.

Мальчик всё не приходил в сознание, и Дора с Ришей по очереди сидели у его постели.

Операция прошла успешно. Так сказал Никлас. Больше он ничего не говорил, ссылаясь на то, что делать прогнозы ещё слишком рано.

Селену к больному не пускали, и это было по-настоящему обидно. Кто нашёл мальчика? Селена. Кто принёс его к Никласу? Вообще-то Зебу, но не без помощи Селены, конечно. И вот теперь, когда он лежит тут, совсем рядом, только Селена не имеет права посмотреть на него даже одним глазочком. Никлас обещал, что её пустят, когда больному станет лучше, но лучше ему не становилось, и девочка уже начала подозревать, что от неё скрывают что-то по-настоящему страшное.

Проводив Зебу, Селена дочитала очередной медицинский справочник, пожарила свекольные оладьи, съела их все до одного и решила предпринять попытку проникнуть в комнату больного. Сейчас там сидела Риша, а с ней куда проще договориться.

– Риша! – тихонько позвала Селена, приоткрыв дверь.

Под лазарет отвели маленькую комнатку с единственным окном, которую Никлас обычно использовал для хранения своих волшебных склянок. Теперь склянки переехали в лабораторию, где им и положено быть, а их место заняла наспех сколоченная дощатая лежанка с сенным тюфяком. Рядом с кроватью втиснули крошечный столик из толстого бугристого стекла. Из столовой принесли старый рассохшийся дубовый стул. Риша и Дора надраили до блеска

---

² Паргалион – воинское звание в Тарийской армии, командир подразделения из полутора тысяч бойцов.

³ День Коронации – один из основных праздников Тарии, посвящённый коронации правящего монарха.

⁴ День Большого Безветрия – праздник, посвящённый окончанию зимы.

жёлтый дощатый пол, так что даже царапинки на нём сделались почти незаметными. Окно завесили мешковиной, поверх которой нацепили белую в синий цветочек занавеску. Как ни старались женщины создать полумрак, приглушённый свет прорывался сквозь ткань, мягко озаряя стены.

Селена привстала на цыпочки, пытаясь рассмотреть больного. Риша обернулась, показав жестами, что он спит, и девочка, недолго думая, юркнула в комнату. Сиделка едва заметно улыбнулась, но выгонять подругу не стала. Видимо, Никлас не отдавал на этот счёт никаких распоряжений.

Риша, как и её мать, всегда беспрекословно подчинялась доктору Каригу. Она и внешне напоминала Дору: такая же крупная, румяная, яркоглазая. Не было у неё лишь звонкого материнского голоса – девочка родилась немой, и даже старания Никласа не смогли этого изменить.

Только теперь Селене удалось, наконец, как следует разглядеть больного.

По правде говоря, она представляла его иначе. Оказалось, что лицо у мальчика широкое, скуластое, а кожа смуглая, чистая, что у подростков бывает нечасто. Похоже, Дора вымыла парнишке голову, потому что волосы его теперь приобрели природный оттенок спелого каштана и не торчали в разные стороны, а лежали аккуратными волнами. Только выбритый висок был заклеен. Уж не перелом ли?

Риша показала, что у мальчика был жар: всю ночь он бредил, бормотал что-то во сне.

На столике громоздились оставленные Никласом пузырьки. Отвар чомуса желтоцветного⁵... Неужели Никлас и впрямь собирается вылечить мальчика этими цветочками?! Чомус, конечно, растение полезное – воспаление снимает, раны затягивает, но тут явно требуется более сильное средство.

– Слушай, Риша, – Селена решила попытать удачу, – ты, наверно, устала. Иди поспи, а я посижу...

На успех она, признаться, не рассчитывала, но Риша неожиданно поднялась, указала ей на пузырьки (дескать, не забывай поить его лекарством) и, улыбнувшись своей по-детски открытой улыбкой, вышла из комнаты.

Наконец-то Селене доверили заботу о больном! Расположившись на месте сиделки, она со всей ответственностью принялась за дело: приложив руку ко лбу пациента, убедилась, что жар и не думает спадать, пощупала пульс и даже влила несчастному в рот пол-ложечки чомусового отвара, а после, довольная проделанной работой, осмотрела мальчика ещё раз, в надежде узнать о нем хоть что-нибудь.

Кожа у него, как уже говорилось, была смуглая, но не такая, какая бывает у людей вынужденных подолгу бывать на солнце. Правая кисть – чуть больше левой. Такое случается, когда человек с детства работает одной рукой. Например, забрасывает сеть или гарпунит рыбу. Только мозолей, какие часто встречаются у рабочих людей, на ладонях мальчика не было. Селена нарочно осмотрела его руки, но ничего похожего на потёртости не нашла.

– Кто ты такой? – задумчиво проговорила она.

Дверь тихонько скрипнула, и на пороге показался Никлас. Он наверняка слышал её глупый вопрос.

– Никлас... – растерялась девочка, – я тут спросила...

– Ты спросила нашего пациента, кто он такой, но боюсь, сейчас он не может ответить.

– Ему очень плохо, да?

– Как тебе сказать? – Никлас бесшумно закрыл дверь, подошёл и устроился возле кровати на корточках. – Пока больной без сознания, ему не хорошо и не плохо. Никак. Но если ты спрашиваешь о его состоянии, то оно, по крайней мере, стабилизировалось.

---

⁵ Чомус желтоцветный – лекарственное растение, широко распространённое на территории Тарии, Миравии и Ливарии. Применяется в медицине в качестве противовоспалительного и жаропонижающего средства.

– Значит, он не умрёт?

Никлас улыбнулся:

– Умрёт, конечно. Лет через семьдесят.

– Нииклас, – Селена осуждающе покачала головой, разве сейчас можно шутить?!

Отец пожал плечами:

– Шутить можно всегда. Смех помогает жить. Так что смейся всегда: когда грустно, когда трудно, когда плакать хочется больше, чем смеяться.

Селена не походила на отца ни внешностью, ни характером. Её мать умерла десять лет назад, и девочка не могла вспомнить её, как ни старалась, но все, кто знал Вилму Кариг, твердили об их потрясающем сходстве.

Селена не слишком задумывалась о своей внешности, а когда всё же присматривалась к собственному отражению, неизменно оставалась недовольной то слишком узким лицом, то крошечной горбинкой на носу, то крупными молочно-белыми зубами, а то и вовсе миндалевидными глазами цвета густого дыма.

У некоторых девчонок глаза как блюдца – распахнутые, наивные, и это делает их похожими на фарфоровых куколок. Селене такой кукольности не досталось. С её губ редко сходила улыбка, но лицо всё равно казалось задумчивым. К тому же девочка была высокой – выше большинства сверстников, и Дора часто заставляла её ходить с привязанной к спине линейкой, чтобы не сутулилась. Если Селена чем-то и гордилась по-настоящему, то лишь густыми русыми волосами до пояса, которые можно было заплетать в толстую блестящую косу, собирать в сложную причёску или укладывать волнами.

Никлас, напротив, имел весьма скромную шевелюру. Он редко стриг свои соломенно-жёлтые волосы, предпочитая закладывать их за уши, чтобы не мешали, но ни бороды, ни усов не носил. Роста он был среднего, телосложения – субтильного. То ли по причине худобы, то ли из-за стремительной пружинящей походки ему трудно было дать больше тридцати лет, хотя в действительности доктор Кариг готовился разменять пятый десяток.

– Шутить можно всегда, – повторил Никлас. – А мальчик... Он выживет, Селена. Иначе и быть не может. Этот парень сделан из железа, его не так просто убить.

– Ты его знаешь? – удивилась девочка. – Откуда?

– Нет, что ты?! – подозрительно быстро заверил Никлас. – Но он умеет бороться, а это дорогого стоит. У него была сломана нога. Кость буквально раздробило на мелкие кусочки. Мне пришлось удалить немалую часть. Думаю, мальчик останется хромым на всю жизнь.

Селена ойкнула и прикрыла рот рукой.

– Не пугайся, – успокоил её Никлас. – Ходить он будет. Думаю, даже бегать сможет. Просто станет слегка прихрамывать на левую ногу, только и всего. В его положении это не так страшно. Хуже другое: жар до сих пор не спадает. Я выслушал хрипы в лёгких, и мне это ох как не нравится!

– И ты лечишь его чомусом?! – не выдержала Селена.

– Не совсем, – Никлас лукаво улыбнулся. – Подумай сама: не могу же я рассказать Доре о своей новой разработке. Она, конечно, чудесная женщина, но болтлива как сорока.

– А мне расскажешь?

Селена всегда испытывала трепет перед отцовскими открытиями, которых у него, надо сказать, накопилось немало.

Никлас заговорщически подмигнул:

– Тебе – расскажу. Это новое вещество я получил путём экстрагирования скве...

Мальчик застонал, забормотал что-то бессвязное и неожиданно открыл глаза. Никлас тотчас переключил на него внимание:

– Как ты себя чувствуешь, сынок?

Больной не отвечал, пытаясь сфокусировать зрение.

– Не бойся, – продолжал Никлас. – Ты у друзей. Меня зовут Никлас Кариг, а это моя дочь Селена.

Мальчик сосредоточенно смотрел на своих спасителей. В его круглых карих глазах не было ни страха, ни удивления – только боль и, кажется, усталость. Наконец, парнишка вышел из оцепенения, забарахтался и попытался спустить ноги с кровати, но тотчас сморщился от боли.

– У тебя сломана нога, – Никлас говорил медленно и спокойно, как говорят люди, уверенные в своих силах.

Мальчик тяжело дышал, поджав губы и широко раздувая ноздри

– Никлас Кариг, – хрипло пробормотал он. – Я вас знаю.

Закашлялся. Селена плеснула воды в тяжёлый стакан тёмно-синего стекла и протянула его больному. Сделав глоток, мальчик вновь откинулся на подушку.

– Позволь мне проверить кое-что, – доктор Кариг взял со столика маленькую серебряную ложечку, из которой прежде кормили Селениных кукол, и поднёс её к лицу больного. Тот смотрел волчком, но не сопротивлялся.

– Взгляни на свет, – попросил Никлас.

Подчинившись, мальчик снова поморщился – видимо, дневной свет казался ему слишком ярким.

– Отлично, – похвалил доктор Кариг. – Теперь следи за ложкой.

Он принялся водить ложечкой сверху вниз и слева направо, придерживая пациента за подбородок.

– Я вас знаю, – прошептал мальчик, не переставая двигать глазами.

Никлас закончил свои колдовские манипуляции и осторожно потрепал пациента по голове:

– Ты не можешь меня знать, потому что я тебя впервые вижу.

Он посмотрел на мальчишку как-то чересчур выразительно.

– Я доктор Никлас Кариг. Живу здесь, в Ольве. А ты, должно быть, сын какого-то рыбака?

Мальчик не спорил. Будто зачарованный он слушал Никласа, а тот ласково продолжал:

– Ты – сын рыбака. На тебя напали разбойники. Ограбили. Отобрали улов. Твоего отца убили.

Селена могла поклясться, что её отец вовсе не спрашивает. Никлас сам рассказывал мальчику его же историю.

Неожиданно парнишка всхлипнул. То есть даже не всхлипнул, а как-то странно булькнул горлом и вновь затих. Селене показалось, что он вот-вот заплачет, но ничего не произошло. Мгновение спустя мальчик смотрел по-прежнему бесстрастно.

– Я прав? – осведомился Селенин отец.

– Да, господин доктор, – проговорил мальчик еле слышно.

Никлас шутливо насупился:

– В моём доме нет господ. Зови меня по имени. Меня почти все так зовут, даже родная дочь. Кстати, это она нашла тебя у реки.

– Прошу прощения, – пробормотал мальчик, искоса взглянув на Селену. – Я не представился...

– Не спеши, – Никлас поднял руки, призывая подумать. – Мы не знакомы, и ты можешь назвать то имя, которое тебе нравится.

Мальчик кивнул, показав, что понимает, и Никлас поклонился с шутливой церемонностью:

– Я – Никлас Кариг. Это моя дочь Селена. Как называть вас, юноша?

Парнишка на мгновение задумался, но тотчас ответил:

– Зовите меня Гáраш.

– Чудесное имя, – одобрил Никлас.

Творилось что-то невообразимое. Селена могла биться об заклад, что её отец лжёт, но такого попросту не могло быть. Никлас никогда не лгал и учил дочь говорить правду, несмотря ни на что. Теперь же он на ходу выдумал какую-то нелепую историю про рыбака, и это было по-настоящему странно.

– Тебе нужен покой, Гараш, – неожиданно заявил Никлас. – Я зайду вечером, а сейчас нам пора.

Он взял Селену за локоть и мягко подтолкнул к выходу. Девочка чуть не расплакалась от обиды.

– Никлас, можно мне остаться ненадолго? – заныла она. – Мы только чуть-чуть поболтаем...

Никлас покачал головой:

– Ни в коем случае! Гарашу нужно отдыхать. Сейчас я пришлю Дору с лекарством.

Бросив на Гараша последний взгляд, Селена покорно вышла вслед за отцом.

В тот день ей больше не посчастливилось увидеть мальчика, но с восходом луны вернулся Зебу, и жизнь стала налаживаться. Конечно, Селена сразу выболтала ему всё, что слышала.

– Думаешь, Никлас его знает? – усомнился Зебу. – Тогда почему не сказал нам?

– Он что-то скрывает, – убеждённо сказала Селена. – Наверное, нам этого знать не положено.

– Вот дела! – мидав продемонстрировал крайнее возмущение, улегшись на лапы. – А что если мы *хотим* знать?!

– Тогда нам придётся дознаваться самим, потому что Никлас точно ничего не расскажет.

– И дознаемся!

Зебу считался решительным и смелым. Если, конечно, поблизости не наблюдалось крыс, молний, пожаров, наводнений, больших (да и маленьких) пауков, жуков яркой расцветки, разбойников, тёмных комнат, а ещё ярг и выползней.

Об этих чудесных существах дети давным-давно узнали из рассказов Доры. Яргами называли злых духов, обитающих в горах, лесах, болотах и везде, где пожелаешь. Обычно ярга не показывается ни людям, ни мидавам, но если вдруг увидел её в образе сторбленной старухи с длинными, свисающими до середины нижней губы, клыками – жди беды. В лучшем случае – съест. О том, что может случиться в худшем, не было известно и самой Доре, но Зебу и этой информации оказалось вполне достаточно.

С выползнями дело обстояло ещё хуже. Выползни – это мертвецы, которым по какой-то им одним ведомой причине не лежит в могиле. Вот они и рыщут по окрестностям кладбищ, но, бывает, заходят и дальше – на окраины городов, а то и вовсе на городские рынки. Всё это безобразие, конечно, происходит по ночам, и, если какие-то невоспитанные дети вздумают плохо есть ячменную кашу, выползень тут как тут.

Таковыми историям добродушная Дора пичкала малышей до тех пор, пока об этом не узнал Никлас. Он был учёным, а учёные не верят ни в ярг, ни в выползней. Что касается Зебу, то он учёным не был, и выползней опасался. На всякий случай.

Селена мечтательно улыбнулась. Теперь оставалось только дождаться удобного случая и побеседовать с Гарашем с глазу на глаз.

Вести из Туфа

Сказать по правде, случай представился нескоро.

Минула красная луна, за ней – белая и снова – красная, а к мальчику её по-прежнему не пускали. Мало того, Дора начала запира́ть дверь на ключ, хотя прежде в их доме никто так не делал. Риша больше не сидела с больным. Теперь она без конца хлопотала на кухне вместо Доры, а когда выдавался свободный денёк – сбегала неведомо куда.

Только Зебу выглядел довольным и безмятежным. Он придумал незатейливую игру – с бешеной скоростью носиться по парку, обегая деревья – и теперь играл в неё каждый день. Селена не могла бегать так быстро, а потому всё, что ей оставалось – это сидеть на скамейке с книгой и краем глаза наблюдать, как мелькает среди серых ильмовых стволов его бело-рыжая шкурка.

Раньше Никлас разрешал им гулять за забором, в полях. Иногда Селена ездила на своей любимице, рыжей кобыле Майле, но чаще ходила пешком. Заболтавшись, они с Зебу часто забредали на опушку леса, и тогда девочка не упускала возможности набить карманы душистыми ягодами. Дору всегда приводили в ярость пятна от сока, которые ей приходилось выводить смесью мела и какого-то сложного эфира, изобретённого Никласом.

Ещё одним развлечением ребят были так называемые скачки. Селена скакала верхом на Майле, Зебу бежал со всех ног. Проигравший отдавал победителю за ужином свою порцию десерта. Когда побеждала Селена (а такое бывало нечасто), она пыталась вытребовать и вторую порцию для Майлы. Тогда Зебу предлагал ей заодно разделить с кобылой и сено.

С появлением Гараша, детям запретили гулять в полях. Никлас сказал, что опасается разбойников, напавших на мальчика, и по всему было видно, что дело серьёзное.

Так прошло много дней, но однажды всё изменилось.

В то ослепительно солнечное утро Селена по обыкновению сидела на скамейке и читала «Астрономию» Ливия Крата. Зебу носился вокруг деревьев, очертя голову. Он достиг в этом деле высокого мастерства, и теперь оттачивал навыки, увеличивая скорость.

– Почему бы вам не прогуляться? – слышался голос Никласа.

Вздвигнув от неожиданности, Селена обернулась. Отец подошёл так тихо, что, зачитавшись, девочка не заметила его появления.

Возможно, кому-то другому «Астрономия» не показалась бы таким уж увлекательным чтением, но у Селены были свои литературные пристрастия. В списке её любимых книг также значились «Путешествие на край света» Спенда Галласа, «Роза ветров» Кита и Роданы Тал и справочник по детским болезням группы соавторов, который можно было читать от случая к случаю, когда кто-нибудь заболел, и требовалось срочно поставить диагноз.

– Я спросил, не хотите ли вы прогуляться? – Никлас присел рядышком.

Сегодня он был одет не по-домашнему, но и не так, как обычно одевался, когда собирался в город. На нём не было ни плаща, ни мантии, только черные штаны и коричневый суконный жилет поверх серовато-белой блузы.

– Ты кого-то ждёшь? – удивилась Селена.

Никлас кивнул:

– Закари обещал зайти.

– Он заберёт Зебу? – забеспокоилась девочка.

Если паргалион Закари Зегда заберёт сына в город, в доме делается совсем тоскливо.

– Не думаю, – покачал головой Никлас. – В Туфе до сих пор беспокойно. Зак хочет, чтобы Зебу пожил у нас ещё какое-то время.

Мидав промчался в паре шагов от них, на бегу поприветствовал Никласа и вновь скрылся за деревьями.

– Ты так и не ответила, – опомнился Никлас. – Не хочешь прогуляться?

– Ты же не разрешаешь нам гулять, – отложив книгу, Селена заглянула отцу в глаза. – Что-то изменилось?

Никлас явно пытался сдержать улыбку.

– Это касается Гараша.

– Ему хуже? – испугалась девочка.

– Ему лучше. И он горит желанием осмотреть окрестности.

Взвизгнув, Селена прыгнула к отцу на колени и обняла его за шею.

– Ура! Никлас, ура! Спасибо тебе большое-пребольшое! Огромное спасибо!

Она поочередно целовала отца то в одну колючую щёку, то в другую, не переставая бормотать слова благодарности, а тот сидел растерянный, не понимая, за что его благодарят

– Зебу! – закричала Селена. – Зебу, иди скорее сюда! Гараш выздоровел! Он хочет гулять!

– Он не совсем выздоровел, скорее... – начал было Никлас, но Селена его уже не слышала.

Она бежала к Зебу, чтобы поделиться радостной новостью.

Гараш появился на крыльце в сопровождении Доры, хотя помощники ему, судя по всему, больше не требовались. Бледно-зелёная рубаша Никласа, подпоясанная синим кушаком, была ему почти впору. Заштопанные Дорой штаны тоже выглядели неплохо, если не считать того, что левая штанина казалась чуть длиннее правой. Мальчик опирался на коричневую деревянную трость. Похоже, Никлас специально купил её в городе.

– Ты уверен, что сможешь ехать верхом? – спросил доктор, явно продолжая начатый когда-то разговор.

– Да, госпо... – Гараш осёкся. – Да, Никлас. Я неплохо держусь в седле.

Сказано это было без бахвальства. Мальчик просто сообщал другим давно известный ему самому факт.

– Хорошо. Тогда конюх оседлает для тебя Сизого, а Селена поедет на Майле. У нас только две лошади, так что я с вами отправиться не смогу. Ты ещё не до конца выздоровел, поэтому долго вам кататься не следует.

– Я знаю, Никлас! Я прослежу! Всё будет в порядке! – затараторила Селена, боясь, что ей не доверят сопровождать Гараша.

Из-за деревьев, наконец, показался Зебу, на этот раз не один. Теперь по дорожке, ведущей к дому, шли два мидава. Их сходство было невероятным. Со стороны могло показаться, что это разновеликие копии одного и того же существа.

Только походка у мидавов была разная. Зебу резво трусил, то и дело подпрыгивая. Тот, что был крупнее, вышагивал степенно, вразвалочку, точно проверяя землю на прочность.

– Закари! – воскликнул Никлас, устремившись навстречу другу. – Мы ждали тебя только к обеду!

– Я пришёл пораньше, – пробасил гость, приблизившись.

Его размеры впечатляли. Как и любой взрослый мидав, Закари Зегда мог заглянуть в глаза среднерослому человеку, не задирая головы. Широко расставленные кривоватые лапы оставляли на влажной земле глубокие следы с десертную тарелку, а некогда гигантские мускулы по-прежнему перекачивались под шкурой при каждом движении.

Паргалион Зегда был уже не молод, но по меркам своего племени, ещё вовсе не стар – ему недавно минуло шестьдесят. Мидавы часто живут дольше века, хотя порой можно встретить и долгожителей отметивших сто двадцатилетие.

– Дядя Зак! – обрадовалась Селена. – Познакомьтесь с Гарашем. Никлас его вылечил!

Мальчик и мидав уставились друг на друга. Во взгляде Закари читалось любопытство, Гараш смотрел с откровенной неприязнью.

– Стало быть, это и есть ваш рыбачок?! – прищурился мидав. – Ну, здравствуй, счастливчик!

– В чём же моё счастье? – мальчик с вызовом вскинул голову.

Закари разглядывал его, не скрывая интереса:

– Ты жив. Это уже немало.

Гараш промолчал, стиснув зубы.

– Пока ты жив, у тебя есть шанс, – спокойно продолжал мидав. – Тебе осталось лишь научиться отличать друзей от врагов.

– У меня больше нет друзей!

Мальчик отвернулся, пряча увлажнившиеся глаза.

Щёки Селены вспыхнули от возмущения. Как это «нет друзей»?! Никлас возился с ним три луны кряду, Дора варила бульон с грибами тасу, даже она, Селена, как-то поила его гадким чомусовым отваром. Вот ведь неблагодарный!

– Тебе виднее, – вздохнул мидав.

На этом он, казалось, утратил интерес к мальчику и сообщил всем собравшимся:

– У меня новости из столицы.

Три пары глаз впились в него, нетерпеливо призывая продолжать, и даже Гараш наострил уши.

– Принцессу до сих пор не нашли. Патрули прочесали весь город от квартала Сов, до площади Справедливости, перекрыли дороги, да всё без толку. Мои отряды дежурили на дороге Чёрных елей, а Тишу Белолобому досталась Грязная, – Зегда хохотнул, потешаясь над приятелем. – Принцесса как в воду канула. Только, сдаётся мне, без помощников тут не обошлось.

– А что бы вы сделали, если бы поймали её, дядя Зак? – вдруг спросила Селена.

Мидав посмотрел не на неё, а почему-то на Гараша:

– Не знаю, детка. Я – солдат. Не моё дело обсуждать приказы.

Зегда не выглядел ни смущённым, ни раздосадованным.

Служба – главное в жизни мидава. Они одиночки, и никогда не создают семей. Если у пары мидавов рождается сын, он остаётся с отцом, и уже в возрасте тринадцати – четырнадцати лет начинает службу в армии. Если появляется дочь, она живёт с матерью, воспитываясь по другим законам.

– Мы надеялись услышать что-нибудь о мальчике, – проговорил Никлас, метнув на Гараша косой взгляд.

– Ах, да, – понимающе кивнул мидав, – чуть не забыл... Мальчика нашли.

Гараш вмиг сбросил маску оцепенения, да и Никлас заметно оживился:

– Нашли? Где же?

– Его схватили неподалёку от Старого кладбища. Ума не приложу, где он мог прятаться столько времени. Если бы ему удалось выйти на дорогу Трёх мельниц, он может и ускользнул бы от Шамшана. Там дежурят отряды рыжего Хати. У этих парней силы больше, чем ума, их проведёт и ребёнок.

– Что за мальчик? О чём вы говорите? – вмешалась Селена.

– Мальчик – сын Тумая Великого, – пояснил Никлас, потупившись. – Его искали с прошлого краснолуния. Повстанцы захватили семью Тумая, и...

Он прервался на полуслове, потому что со стороны конюшни, ведя под уздцы Майлу и Сизого, приближался старый конюх Жеве.

– Господин Никлас, лошади осёдланы! – крикнул он.

Жеве был глуховат, а потому говорил куда громче, чем следовало.

На Майле было дамское седло. Селена невольно фыркнула. Она предпочитала мужские сёдла и всегда ездила в штанах, но сегодня Жеве оседлал кобылу специально для прогулки с гостем, и ей явно предстояло ехать в платье.

– Отлично! – неизвестно чему обрадовался Никлас. – Прогуляйтесь, а мы с Заком побеседуем о стариковских делах.

К удивлению Селены Гараш отбросил трость и с лёгкостью вскочил в седло с правой ноги. Ей самой потребовалось куда больше времени – дамское седло не было привычным для девочки, к тому же юбка цеплялась за стремя, и приходилось одёргивать её, придерживая повод рукой.

Вскоре возглавляемая Зебу процессия вышла за ворота и двинулась к полю вдоль серой каменной стены.

– До леса – и назад! – крикнул им вслед Никлас.

Привыкшие к неспешным прогулкам кони шли бок о бок. Сизый мог легко обогнать Майлу, он был куда моложе и резвее, но не спешил, соблюдая заведённый порядок.

Селена всё ещё дулась на Гараша. Подумать только! Много дней она мечтала разговорить загадочного мальчика, много вечеров провела в размышлениях о его судьбе, а теперь, когда он ехал рядом, никак не могла решиться нарушить молчание.

Зебу вспомнил свою любимую игру и, умчавшись далеко вперёд, скрылся за кустами, так что теперь они с Гарашем ехали вдвоём. Мальчик тоже не говорил ни слова. Погрузившись в какие-то невесёлые мысли, он угрюмо покачивал головой в такт шагам лошади. Наконец, Селена не выдержала:

– Гараш!

Мальчик взглянул на неё исподлобья и даже не удостоил ответом. Грубиян! Селена решила идти напролом:

– Расскажи о себе!

– Твой отец уже всё рассказал, – огрызнулся Гараш.

– Теперь ты расскажи, – не унималась Селена. – Только правду!

– Правду? Зачем тебе?

– Чтобы знать?

– Из любопытства?

– Ну, да...

Гараш резко натянул повод, и не привыкший к такому грубому обращению Сизый встал как вкопанный.

– Не смей мучить мою лошадь! – рявкнула Селена.

По щеке мальчика прокатилась крупная слеза, потом ещё и ещё одна.

– Гараш, ты что? – испугалась девочка. – Не плачь! Я тебя обидела?

Гараш уткнулся лицом в ворот рубашки, пряча слёзы. Он явно стыдился этого внезапного проявления чувств.

– Знаешь, что они с ним сделают? – проговорил мальчик срывающимся голосом.

– С кем? – не поняла Селена.

– С сыном Тумая.

– Не знаю. А что?

– Его повесят на площади Справедливости. Ты когда-нибудь видела казнь?

– Нет. А ты?

– Я видел. Много раз.

Он вновь пустил коня в шаг, и Селена двинулась следом, стараясь не отставать.

– Ты его знаешь? – спросила она.

– Знаю.

– Так я и думала. Значит, ты никакой не рыбацкий сын.

– Нет.

– А кто?

– Конюший.

– Вот как! Теперь понятно, почему ты так хорошо управляешься с лошадьми. Значит, ты служил конюшим у Тумая?

– Вообще-то младшим конюшим.

– И ты знал его сына?

– Мы были друзьями.

– Тумай Великий позволял сыну дружить с конюшим? – Селена явно сморозила глупость. – Прости. Я хотела сказать... Такое редко бывает...

– Вообще-то отец... То есть, господин Тумай не одобрял нашей дружбы, но его сын... Между нами говоря, он такой упрямый. Да и характер у него не сахар.

– Он твой друг, – напомнила Селена.

Гараш кивнул.

– А Тумай Великий? – не удержалась девочка. – Говорят, он был главным человеком Тарии...

– Не знаю. Я всего лишь конюший.

Мальчик снова о чём-то задумался. Теперь его широкое скуластое лицо казалось величественным и страшным.

– Слушай, Гараш, ты был там, когда?.. Когда Тумая и его семью?.. Когда они?..

– Я был поблизости.

– И видел?..

– Слышал.

Селена зажмурилась. Зря она злилась на Гараша. Девочка отчаянно захотела утешить его, но так и не смогла подобрать подходящие слова.

Кони перешли поле и направились к лесу знакомой дорогой. Зебу с визгом выскочил из кустов им наперерез. Пугливая Майла шарахнулась в сторону, и, наверно, понесла бы, если бы Гараш не схватил её за узду.

– Зебу, ты с ума сошёл! – рассердилась девочка.

Она собиралась и дальше отчитывать мидава, но вдруг заметила вдалеке между стволами деревьев пляшущую серую тень. Сделав спутникам знак рукой, Селена медленно зашагала в её сторону. Чуть подогнав Сизого, Гараш встал на полкорпуса впереди. Похоже, крестьянский мальчик набрался рыцарских манер от своего молодого хозяина. Зебу шёл последним, озираясь по сторонам.

Тень всё мелькала за деревьями, изображая причудливый танец. Теперь не оставалось сомнения, что это человек. Плясун то выбрасывал руку вперёд, то, резко оборачиваясь, рассекал воздух за спиной. Его длинная коса металась из стороны в сторону, а в руке что-то сверкало.

Приблизившись, Селена разглядела короткий меч, какие носит королевская стража. Сизый наступил на ветку, та предательски хрустнула, и человек с мечом обернулся.

Селена чуть не вскрикнула от изумления. Перед ней, сжимая оружие, стояла Риша. Девушка тяжело дышала. Одета в просторную мужскую блузу, она казалась больше, чем была на самом деле. Неизвестно чьи штаны и сапоги с высокими голенищами довершали несуразный образ.

– Неплохой клинок, – похвалил Гараш. – Только бьёшь ты неправильно.

Мальчик спешил, осторожно переступая со здоровой ноги на больную и подойдя к насупившейся Рише, взял меч у неё из рук. Без трости он заметно хромал и непрестанно морщился от боли.

– Смотри, – первый удар легко рассёк воздух, – он здесь. Если ты будешь бить отсюда, он увернётся, и меч ляжет плашмя. Тогда он тебя достанет вот так.

Гараш сделал глубокий выпад, и меч замер у самого живота девушки. Риша вздрогнула, но не отступила.

– Кто тебя научил? – спросила Селена, привязывая Майлу к дереву.

– Друг.

– Сын Тумая?

– Да.

– А тебя? – она повернулась к Рише.

Девушка лишь улыбнулась в ответ.

– Вот чем ты, значит, занимаешься! Но зачем, Риша? Оружие – для мужчин, разве нет?

Её подруга вновь едва заметно улыбнулась. Немота часто освобождала её от необходимости отвечать на неудобные вопросы. Зебу шлёпнулся на траву, вытянув длинные лапы:

– Плохо вам, людям. Вот нам оружие без надобности. Мы – сами оружие!

Гараш задумчиво погладил клинок и взял под уздцы Сизого, успевшего воспользоваться неожиданной свободой, чтобы полакомиться молодыми листочками ближайшей ивы.

– Дора знает, чем ты занимаешься? Чья это одежда? И почему ты уходишь так далеко? – Селена засыпала подругу вопросами, зная, что вряд ли получит ответы.

Вдруг что-то мелькнуло слева от неё. Это Сизый мчался в сторону опушки, подгоняемый Гарашем. Мальчик скакал галопом, увозя с собой Ришин меч. Селена так увлеклась, что даже не заметила, как он прыгнул в седло.

Задремавший было Зебу, открыл глаза, вскочил на лапы, как расправившаяся пружина, и бросился в погоню. Торопливо отвязывая Майлу, девочка видела, что он настиг Гараша на самой опушке и побежал рядом, пытаясь схватить мальчика за штанину. Тут они скрылись из виду, и неловко вскарабкавшись в седло, Селена поскакала следом.

Вскоре она увидела Зебу. Мидав лежал, постанывая, возле чёрной коряги, на которой они часто играли во время прогулок. Похоже, Гараш легко перескочил препятствие, а его незадачливый преследователь споткнулся и растянул лапу.

Поколебавшись мгновение, Селена решила остановиться и помочь другу. Конечно, можно было доверить его заботам бежавшей следом Риши, но шансов догнать Гараша, у неё, признаться, и без того не оставалось. Молодой, резвый конь мчался во всю прыть. На Майле, да в дамском седле, девочка не могла скакать и вполтину быстро.

Единственное, что ей оставалось – это кусать губы в бессильной ярости, глядя, как её конь с седоком превращаются в размытую точку на горизонте.

Путешествие начинается

Пока Никлас накладывал Зебу повязку, Селена успела рассказать ему о неожиданном бегстве Гараша и о недолгой погоне, стоившей мидаву покалеченной лапы.

О Рише она умолчала, и вовсе не потому, что собиралась прикрывать хитрюгу. Просто ей до ужаса хотелось, чтобы Никлас поймал мальчишку или хотя бы отправил кого-то на его поиски, а не отвлекался на всякие пустяки вроде девочки, возомнившей себя неизвестно кем.

Зебу проникся такой жалостью к самому себе, что лишь тихонько всхлипывал, когда повязка ложилась слишком туго.

Выслушав рассказ, Никлас только вздохнул:

– Жаль, что старина Зак ушёл. Он бы мигом догнал глупого мальчишку.

– Глупого?! – почти закричала Селена. – Он всех нас обманул! Никлас, он украл нашу лошадь и Ри... Она чуть было не сказала «Ришин меч», но вовремя осеклась и с опаской взглянула на отца, но тот, похоже, ничего не заметил.

– Возможно, нам повезёт, – размышлял вслух Никлас, – и он столкнётся с Закари по дороге. Хотя это маловероятно.

Внезапно он улыбнулся, словно поймал за кончик хвоста какую-то превосходную идею:

– Я найду его!

Селена схватила отца за руку:

– Ты ведь не знаешь, где он!

– Догадываюсь, – лицо Никласа сделалось загадочным.

– И где же? – Селена могла проявлять завидное упрямство, когда было нужно.

– Он едет в город, – Никлас был явно не расположен отвечать на вопросы.

– В Туф?

– Думаю, да. Но, пожалуйста, никому ни слова!

– Я никому не скажу.

– Я тоже, – заверил притихший Зебу.

Наложив последний виток бинта, Никлас порывисто поднялся, потрепал мидава по холке и уже намеревался уходить, но Селена запротестовала:

– Ты не можешь уехать один! Я хочу с тобой!

– И я, – захныкал Зебу. – Не оставляйте меня одного!

– Я оставляю вас обоих, – заявил Никлас неожиданно строго. – С вами побудут Дора и Риша. Кстати, где она?

Селена неопределённо дернула головой, и отец понял её по-своему:

– Попроси её собрать мои вещи. Мне нужно немного, как для короткой поездки.

Вскоре Никлас уехал. Майла вяло рысила под непривычно тяжёлым седоком с мешком поклажи и вскоре скрылась за поворотом.

Проводив отца, Селена вернулась в дом. Попытки уговорить Никласа взять её с собой не увенчались успехом. Оставалось только сидеть дома и обсуждать с Зебу удивительные приключения, которые могли ждать их в дороге, если бы Никлас не решил по-своему.

Войдя в комнату, девочка нашла мидава сидящим у окна.

– Мне гораздо лучше, – ответил Зебу на её невысказанный вопрос. – Не могу же я целый день валяться в постели. Не смотри на меня так – лапа почти не болит.

– Ты притворялся! – взвилась Селена.

– Допустим, я немного преувеличивал.

– Значит, ты мог его догнать?

– Нет. То есть, да... То есть, не совсем... Селена, – он понизил голос, будто кто-то мог их слышать, – у него был меч.

– Ты что?! Думаешь, он смог бы тебя убить?!

– Видела бы ты, какое у него было лицо! Попадись ему на пути десять взрослых мидавов, он их всех разрубил бы на куски. И потом, ты заметила, как он смотрел на моего отца? Он нас всех ненавидит, это точно.

– Но почему?

– Откуда мне знать?! Только вот что я тебе скажу: не хотел бы я иметь такого врага!

– По-моему, ты как всегда преувеличиваешь. Мне Гараш вовсе не показался страшным. Он очень несчастен, это правда. Теперь, когда я знаю, кто он...

– Ты знаешь, кто он?

– Ты бы тоже мог это знать! Надо было меньше бегать и больше слушать!

– Селена!

– Ладно, извини. Гараш был младшим конюшим в доме самого Тумая Великого и дружил его сыном. С тем самым, которого... Ой, – внезапная догадка сверкнула в голове девочки с яркостью молнии, и Селена чуть не заплясала от восторга. – Зебу, я знаю, зачем он рвётся в столицу!

– А я обо всём узнаю последним, – надулся мидав.

– Ладно тебе. Не злись! Гараш скачет в Туф, потому что там держат его друга. Его собираются казнить. То есть, это Гараш считает, что его собираются казнить.

– Ага, – саркастически скривился Зебу. – А он прискачет с игрушечным мечом, перебьёт охрану Шамшана и освободит Тумая–младшего под бурные аплодисменты публики. Теперь мне всё ясно. Ваш Гараш – круглый дурак, и, если Шамшан велит казнить его вместе с другом, мне будет ни капли не жаль.

– Не ты ли только что говорил, что Гараш мог бы разрубить на куски десятерых взрослых мидавов?!

– Похоже, я снова немного преувеличил.

– Знаешь, Зебу, – решительно заявила Селена, – я не собираюсь сидеть здесь и ждать возвращения Никласа! Кто знает, что случится в Туфе?! И, если я могу хоть чем-то помочь...

Она принялась вытаскивать из шкафа книги и, придирчиво изучая корешки, раскладывать их в две стопки.

– Что ты ищешь? – осведомился Зебу.

– Выбираю книги, которые нужно взять с собой.

Мидав подцепил зубами повязку на лапе и, с лёгкостью стащив, отшвырнул в сторону:

– Допустим, я могу бежать быстрее лошади, а на чём собираешься ехать ты?

Об этом Селена не подумала. Лошадей в их конюшне больше не осталось, пешком до Туфа не доберёшься и к следующему краснолунию...

– Зебу, – осторожно проговорила она. – Ты ведь такой сильный, и лапа у тебя не болит... Может, я могла бы...

– Ехать на мне?! – завопил мидав так громко, что не будь это иллюзией, у Селены, наверняка, лопнули бы барабанные перепонки.

– Прошу тебя, тише! – взмолилась девочка. – Дора где-то в доме, она может услышать.

– На мне нельзя ездить, я ещё ребёнок! У меня слабый позвоночник!

– Что же делать? – Селена готова была заплакать.

– Нууу, – Зебу сделал вид, что изображает задумчивость. – Если бы кое-кто не считал себя умнее всех на свете...

Селена сжала зубы до хруста в суставах:

– Зебу, я не считаю себя самой умной!

– Ну, что ж. Тогда с этого мгновения можешь считать самым умным *меня*. Мы поплывём на лодке. Во-первых, это безопасно. На дорогах дежурят патрули, а на реке их нет. Во-вторых,

это быстро. Расстояние по воде до Туфа гораздо короче. А в-третьих, тебе всё равно больше ехать не на чем.

– Этого достаточно. Мы отвяжем лодку ночью. Интересно, Никлас будет меня ругать?

– Конечно, нет. Он тебя всего лишь убьёт, но не думаю, чтобы это могло нас остановить.

Приготовления к отплытию затянулись до вечера. Селена сложила в большой кожаный мешок добрых два десятка книг, запасное платье и тёплый плащ, чтобы не замёрзнуть, когда сядет солнце и на воде станет слишком холодно. Кроме того, девочка запаслась расчёской, мылом и зубным порошком. Эти вещи никогда не бывают лишними. Подумав, Селена захватила старое огниво на случай, если придётся разводить костёр.

К запасу провизии путешественники отнеслись особенно серьёзно. Селена припрятала большую бутылку сладкого как мёд магрового сока и несколько ломтей хлеба, а Зебу стащил с кухни окорок и три пирожка. После, оценив собственный аппетит, спустился в погреб и приволок оттуда большой кусок вяленой оленины. Рассудив, что запасов хватит на всё путешествие, обещавшее продлиться не более трёх дней, ребята успокоились и отправились на боковую.

Перед сном девочка написала коротенькую записку домработнице:

Дора, мы уехали по делам. Не волнуйся, мы скоро найдём Никласа.

Твоя Селена.

Поразмыслив, решила немного подольститься и дописала слово «целую». Вышло гораздо лучше. У Доры доброе сердце, она не станет долго сердиться.

Ранним утром, когда первые солнечные лучи принялись неловко выглядывать из-за леса, путешественники уже отвязывали лодку от причала. Отправление прошло гладко.

Дора ещё спала, Риши вновь не было дома, и это оказалось на руку беглецам.

Правда, на дорожке, ведущей к воротам, Селена и Зебу столкнулись с конюхом Жеве. Сначала девочка немного растерялась, после пробормотала что-то невнятное про утреннюю прогулку в надежде, что туговатый на ухо старик ничего не расслышит.

Утро вновь выдалось солнечным, и удалявшийся берег реки Леи теперь был совсем не похож на тот, где три луны назад Селена и Зебу нашли раненого Гараша. Укрыться от любопытных взглядов на воде в любом случае непросто, но путешественники всё же отошли подальше от берега. Севшая было за вёсла Селена, быстро выбилась из сил, и её место занял Зебу. Мидав так ловко перехватывал зубами вёсла, точно занимался этим всю жизнь.

– Всегда мечтал стать капитаном, – заявил он, смеясь.

К счастью, плыть предстояло по течению. К тому же тёплый попутный ветер бережно подгонял лодку в сторону большого города. Вскоре набережная Мольва скрылась из виду. Ни лодок, ни кораблей не попадалось навстречу. Городок ещё не проснулся. Люди нежились в своих постелях, неторопливо чистили зубы, пили горячий жасминовый чай, а Селена и Зебу уже плыли по реке всё дальше и дальше от уютного и безопасного дома.

Сначала на противоположном берегу встречались поселения или отдельные домики с коричневыми черепичными крышами и нарядными белыми ставнями. Изредка попадались дома побогаче вроде того, в котором жили Селена и её отец. Их окружали высокие каменные заборы и густые заросли терновника. Был даже один замок. Величественный, бело-серый он возвышался над рыбацкими лачугами, как великан над толпой карликов.

– Как ты думаешь, – Селена довольно вытянула ноги, – у Тумая был такой же замок?

– Может и не один, – кивнул Зебу. – Теперь они все достанутся Шамшану. И все королевские замки – тоже. И Большой дворец.

– Зачем одному человеку столько замков и дворцов?

– Не знаю. Может, он будет писать самому себе письма. «Премногоуважаемый господин Шамшан, позвольте выразить вам моё глубочайшее почтение...» Станет отправлять их из одного замка в другой, а потом получать у лакеев и думать, что он кому-то нужен.

Селена поёжилась – на воде было прохладно:

– Я думаю, что богатство человека не должно расти быстрее его самого.

– Это как? – не понял Зебу.

– Ну вот, к примеру, живёт себе человек среднего роста. Такой же, как и большинство людей. Это нормально. Потом он вырастает выше среднего. Всем кажется, что это хорошо. После рост человека становится большим – все им восхищаются. Ещё бы! Он такой красивый, такой приметный! Потом этот человек вырастает до потолка. Это, по-твоему, хорошо?

– Пожалуй, не очень...

– Дальше – больше. Человек растёт и растёт. Сначала он становится выше конька дома, потом – верхушек деревьев...

– Так не бывает! – запротестовал Зебу. – Люди не растут выше деревьев.

– Конечно, нет. Но их богатство иногда растёт гораздо быстрее. Тогда люди тратят его на дворцы, в которых никогда не живут, на породистых лошадей, на которых никогда не ездят, на меха, которые ест моль...

– Ты хочешь сказать, что быть богатым плохо?

– Что ты, Зебу! По-моему, очень хорошо. Но только если человек и сам растёт вместе со своим богатством. Богатый может сделать многое из того, чего не может бедный. Он может помогать тем, кто нуждается в помощи. То, что для него пустяк, может спасти кому-то жизнь...

– А как выбрать, чью жизнь спасти?

– Ты о чём?

– Допустим, ты сказочно богата. Каждый день к тебе приходят тысячи людей, и всем им нужна помощь. Каждому по отдельности – совсем немного, но всем вместе им нужно гораздо больше, чем у тебя есть. Как тут поступить? Кого выбрать?

Селена пожала плечами:

– Не знаю. А ты?

– Я думаю, сначала нужно помочь самому себе. Например, построить замок.

Селена рассмеялась:

– Мне бы хватило и одного.

– Мне, пожалуй, тоже, – подхватил Зебу.

Время незаметно приближалось к обеду, и голод стал напоминать о себе, а берега реки сделались, как назло, почти отвесными. Теперь ни на одном, ни на другом берегу не было видно ни единого строения – только испещрённые ласточьиными норами коричневато-жёлтые склоны. Зебу предложил поесть прямо в лодке, но Селене хотелось выйти на берег – размять затёкшую спину.

Вскоре путешественники увидели то, что искали. На другом берегу виднелся узкий пролив. Там в Лею впадала маленькая речушка, не больше двадцати шагов в ширину. Её пологие берега так густо заросли ивняком, что проход в реку казался задёрнутым ажурными бархатными шторами.

– Это речка Ливнянка, – уверенно сказала Селена. – Никлас говорил, до неё полдня ходу.

– Полдня ещё не прошло, – засомневался Зебу.

– Может, мы плыли очень быстро. Зебу, там чудесный песчаный берег, а в лесу много ягод. Погуляем немножко, отдохнём и сможем плыть дальше, хоть до ночи.

Зебу не стал спорить. Схватив правое весло, он развернул лодку носом к противоположному берегу.

С первого взгляда река Ливнянка вовсе не казалась гостеприимной.

Обещанного песка тут не было. Пышные заросли не давали возможности пристать к берегу, а там, где всё же виднелась земля, почва была влажной, глинистой. Стоит наступить – провалишься по колено. Местами кусты склонялись к самой воде, создавая густую тень и щедро осыпая реку беловато-жёлтой пылью. Остролистные кувшинки жадно ловили редкие

солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь кроны деревьев. Напуганный плеском воды, из камышей выпорхнул селезень и, отчаянно трепеща крыльями, улетел в спасительную чашу.

– Ты уверена, что это Ливнянка? – Зебу осторожно отодвинул веслом проплывавшую мимо корягу. – Может, мы ошиблись?

– Уже не знаю. Никлас не говорил, что здесь есть ещё одна река.

Зебу принялся было разворачивать лодку, но вдруг замер, втягивая ноздрями воздух. Обоняние мидавов уступает собачьему, хотя и превосходит человеческое в десятки раз.

Селена непроизвольно повернулась в ту же сторону и принюхалась. Теперь и она отчётливо ощутила сладковатый запах гниения, доносившийся с берега.

Там, зацепившись за поваленное дерево, плавала наполовину покрытая водой жирная антрацитово-чёрная туша. мех, бывший при жизни животного жёстким и блестящим, местами облез, и под ним обнажилась тёмная складчатая кожа.

– Харлатус, – прошептал Зебу, не сводя глаз с мёртвого животного. – На этот раз настоящий.

Селена отвернулась:

– Почему он здесь? Я читала, что старые харлатусы уплывают умирать в Безбрежное море.

Зебу сделал несколько гребков, продолжая с любопытством поглядывать на зверя. Селена старалась не смотреть – разлагающаяся туша выглядела не лучшим образом. Обедать мигом расхотелось. Казалось, теперь можно плыть до города без остановки.

– У него нет головы, – сообщил Зебу, приглядевшись.

От удивления Селена открыла глаза. Действительно, у харлатуса не было головы. Но куда она подевалась?

– Может, её съели хищники, – предположила девочка.

– Смотри, там ещё один! – Зебу кивнул в сторону большого раскидистого куста, склонившегося к самой воде.

Там, запутавшись в длинных ветвях, покачивалось на воде ещё одна крупная тёмная туша. Вокруг неё болтались обрывки сероватых волокон, похожих на те, из которых рыбаки плетут сети, только гораздо толще.

– Надо убираться отсюда! – заявила Селена, отнимая у мидава весло. – Мне это не нравится.

Зебу уставился на плававшего в отдалении харлатуса:

– Он тоже без головы...

В самом деле, голова несчастного животного была оторвана, так же, как и у первого. Селена вцепилась в весло до боли в пальцах. Зебу тоже принялся грести изо всех сил. Мидав был куда сильнее, и его гребки выходили более длинными, а потому лодка вместо того, чтобы стремительно рвануть вперёд повернула носом к берегу и тотчас уткнулась в кучу подгнивших чёрных веток, возвышавшуюся над водой.

Зебу намеревался встать, однако потерял равновесие и плюхнулся на спину, выронив весло. Селена попыталась оттолкнуться от берега, но её весло никак не желало находить точку опоры, проваливаясь всё глубже.

Вдруг куча зашевелилась, и что-то с силой ударило в дно лодки. Селена вцепилась в борта и вовремя – не сделай она этого, её легко выкинуло бы в воду. Что-то огромное, глянцево-коричневое мелькнуло на поверхности, прежде чем скрыться в глубине.

Через мгновение последовал новый удар. В днище появилась пробоина, и тёмная вода тонкими струйками потекла внутрь лодки.

– На берег! – крикнула Селена.

Схватившись за ветки, она изо всех сил рванулась вверх и с трудом вскарабкалась на ствол большой старой ольхи, изогнувшийся над водой. Коричневое существо снова мелькнуло

в воде. Его спина была покрыта подвижными блестящими пластинами, а голову венчали короткие рожки с утолщениями на концах.

Зебу оттолкнулся всеми четырьмя лапами, прыгнул и приземлился рядом с девочкой, с трудом сохранив равновесие. Шипастый пластинчатый хвост ударился о борт лодки. Чудовище завертелось, ища добычу, а после вновь исчезло, оставив на поверхности разбегающиеся круги. Лодка продолжала медленно уходить под воду. С ней тонула и кожаная торба с Селениными книгами.

– Подержи меня, – велела девочка мидаву. – Я достану сумку.

– Он тебя схватит, – испугался Зебу.

– Он не может прыгать, – возразила девочка. – Главное – держи крепче.

Зебу вцепился зубами в её пояс, и, свесившись к самой воде, Селена выхватила из лодки подмокшую торбу. Мидав успел втащить её на дерево, когда чудовище вновь появилось поблизости. Сделав несколько кругов возле лодки, оно с силой ударило хвостом и снова скрылось из виду.

Принцесса Лайда

Некоторое время Селена и Зебу неподвижно сидели на стволе старого дерева, глядя, как лодка медленно погружается в воду.

Положение становилось безвыходным. Речное чудовище, кем бы оно ни было, явно предпочитало свежее мясо любой другой пище, и приблизится к воде – означало добровольно отдать себя на съедение. О том же, как добраться до города по суше, юные путешественники не имели ни малейшего понятия.

Селена сползла с дерева, взобралась по крутому берегу, цепляясь за стволы и выходящие на поверхность узловатые корни и, усевшись на влажную траву, развязала спасённую торбу.

Тут было не меньше десятка книг, в том числе «Описание всего живого и сущего в Тарии и близлежащих землях». Книга была не из тех, что легко читаются перед сном – обычный нудный справочник с поимённым указанием видов, обитавших когда-либо в лесах, морях и реках Тарии. Здесь подробно описывались десятки зверей, рыб, птиц и даже насекомых. Некоторые описания сопровождались лишёнными деталей, но всё же вполне узнаваемыми картинками.

Селена и сама толком не знала, зачем взяла с собой этот справочник. Возможно, она просто вспомнила совет Никласа, который наставлял: «Ответы на все вопросы ищи в книгах, а когда ответов станет больше, чем вопросов, напиши книгу сама».

– Не лучшее время для чтения, – Зебу остановился в двух шагах, готовый в любой момент продолжить путь. – Вдруг он приползёт сюда?!

– Не приползёт. Судя по строению, это существо живёт в воде и никогда не выбирается на сушу.

– Откуда ты знаешь?

Девочка похлопала по затёртой обложке:

– Отсюда.

– И как же оно называется?

– Этого я пока сказать не могу.

Селена продолжала сосредоточенно листать страницы, бормоча:

– Лесные животные... Морские животные... Животные, обитающие в болотах и поймах рек... Не то... Обитатели пресных водоёмов... Вот, кажется, то, что нужно. Крупные речные животные. Харлатус, краснолобый дельфин, прыгун обыкновенный...

Она разочарованно отложила книгу:

– Здесь больше ничего нет. В наших реках мало крупных хищников.

– А что делать с этим? – Зебу кивнул в сторону погибшей лодки.

Девочка снова взялась за справочник:

– Может, я не там искала? Тут есть ещё змеи и ящерицы. Он был похож на змею?

– Нисколечко.

– Кольцехвостый кратан, – она ткнула пальцем в изображение змеевидного существа, свернувшегося десятком колец, смешно вытянув тонкую шею. – Какая гадость! А вот ещё один – гараш амату.

– Кто?! – Мидав заглянул в книгу, следя за Селениным пальцем.

– Гараш амату, – повторила девочка. – Ящерица из рода лапирус. В длину не больше человеческой ладони. Цвет белый, иногда с чёрными пятнами или прожилками. В случае опасности, может отбрасывать хвост. Обитает в предгорьях и на равнинах, предпочитает сухие места со скудной растительностью. Прячется под камнями, во мху, часто заползает в человеческие жилища. Ядовита. Одна доза яда способна парализовать взрослого человека или мидава. Название переводится с языка кочевников амату как «бессмертный». Местные жители никогда не убивают гарашей. Они считают, что ящерица настолько холодна, что может обитать в пла-

мени, охлаждая его своим телом. Среди кочевых племён Забелогорья распространена легенда о том, что попытавшийся убить ящерицу человек будет жестоко наказан за свой проступок. Животное не погибает, а лишь притворяется мёртвым, чтобы следующей ночью заползти в жилище обидчика и укусить его спящего. После этого укуса человек якобы теряет рассудок... Ты что-нибудь понимаешь, Зебу?

– Что тут непонятного? Обыкновенная ящерица...

– Кочевники амату называют её «гараш». «Гараш», понимаешь?

– Сначала он рыбацкий сын, потом – младший конюший Тумая, теперь – ящерица... Я сойду с ума от твоего Гараша!

– Он вовсе не мой!

– Не нужно искать скрытый смысл там, где его нет! Мальчишка назвал первое слово, которое пришло ему в голову. Ну, или он из племени амату, и это его настоящее имя.

Селена задумалась:

– Я читала, что скотоводы Забелогорья часто дают детям имена в честь Солнца, ветра, дождя...

– ... или ящериц. Но ты, кажется, хотела найти в книге наше чудище.

Селена продолжила листать справочник, ни на что не рассчитывая. Вдруг её внимание привлекла небольшая картинка – странное животное похожее не то на многоножку, не то на крупного извивающегося червя с шипастым хвостом. На голове уродливого существа художник изобразил два небольших рога вроде улиточьих, с утолщениями на концах.

– Пресноводный килькир, – прочитала девочка подпись к картинке. – Обитает в реках и озёрах Тарии, Миравии, Нижней Стребии. Длина – до трёх локтей. Имеет наружный скелет в виде блестящего коричневого панциря из подвижных пластин. Питается мелкими животными: выдрами, речными зайцами, мышевидными грызунами. Запасает корм, опутывая жертву прочными нитями, напоминающими паутину. Случаи нападения на людей или мидавов не зафиксированы.

– Информация устарела, – Зебу нервно переступил с лапы на лапу. – Там сказано: не больше четырёх локтей?

– Вообще-то трёх, но тот был, думаю, локтей двадцать.

– Теперь *ты* преувеличиваешь.

– Вот все нет. Он легко мог обвиться вокруг нашей лодки.

– Значит, этот пресноводный кальмар...

– Пресноводный килькир.

– Ладно, этот пресноводный килькир вымахал в сорок раз больше положенного и стал поедать харлатусов.

– Головы харлатусов. Он любит именно головы.

– Какая разница, что он любит?! Нам нужно выбираться отсюда и как можно скорее.

– Будем держаться реки, она выведет нас назад к Лее.

– А потом?

– Потом – не знаю.

На деле вернуться к большой реке оказалось куда сложнее. Густо поросшие кустарником отвесные берега плохо подходили для пеших прогулок, так что приходилось не идти, а карабкаться, цепляясь за ветки и корни. Ноги скользили по глинистой почве, а то и вовсе проваливались в грязь. Нужно было соблюдать предельную осторожность, чтобы не скатиться в воду, где поджидал голодный килькир.

Селенина торба, прежде удобная и лёгкая, теперь сделалась такой тяжёлой, будто была набита булыжниками, и мидаву пришлось тащить её в зубах. Подняться наверх никак не получалось – прямо за подлеском начиналась непролазная чаща. К тому же уходить далеко от воды было рискованно – река служила ориентиром, и без неё путники ни за что не выбрались бы из

леса. Передвигаться получалось очень медленно. Теперь не осталось сомнений, что едва ли не весь остаток дня путешественники проведут в лесу, прокладывая дорогу и, походя, отодвигая больно бьющие по лицу ветки.

В какой-то момент Селена ступила на скользкую глину и, поскользнувшись, съехала вниз к самой воде. Если бы не серый замшелый бугор, возникший на пути она, конечно, упала бы в воду на радость килькиру. Кочка оказалась куда твёрже, чем можно было подумать. Похоже, под слоем мха и паутины скрывалось подгнившее бревно или прибитая к берегу коряга. Не успела Селена встать, как кочка жалобно запищала и, отчаянно затрепыхалась, поднимая брызги.

Девочка вскрикнула от неожиданности и уже собиралась рвануть наверх, когда в воде показался знакомый глянцево-коричневый панцирь. С пугающим изяществом закружив у берега, килькир сделал бросок и мёртвой хваткой вцепился в пищащее бревно. Только теперь Селена поняла: то, что она приняла за кочку, было коконом из килькировых нитей. Спеленав добычу, хитрая тварь припрятала её про запас в траве у берега.

Кокон отчаянно трепыхался, визжа и поскуливая. Похоже, внутри томилось существо вроде маленького харлатуса. Селена вцепилась в кокон, стараясь вырвать его из зубов хищника, но тот бил хвостом с чудовищной силой, утаскивая добычу под воду.

– Зебу! – закричала девочка, отчаянно пытаясь удержать свою находку. – Сюда! На помощь!

Мидава нигде не было. Похоже, Зебу решил взобраться повыше, туда, где килькир не мог его достать. Кокон выскользнул из рук девочки, оцарапав пальцы. Селена в последний раз взмахнула руками, пытаясь схватить его, но проворный килькир оказался быстрее.

В это мгновение появился Зебу. Тряхнув огромной головой, он вцепился в кокон и с силой рванул его на себя, заставив килькира отпустить добычу. Неуклюже скользя и спотыкаясь, мидав вскарабкался по склону. Растерзанный кокон волочился за ним. Тяжело дыша, Селена отползла подальше от воды.

Лишившийся пищи килькир ещё некоторое время кружил у берега, высовывая из воды рогатую голову, а после странно завертелся и, описав последний круг, исчез в тёмной воде.

– Селена, ты цела? – крикнул Зебу сверху. – У меня тут кое-что интересное!

Лежавший у его лап кокон больше не пищал и не трепыхался.

– Харлатус? – Селена поползла вверх по склону и вскоре увидела то, что заинтересовало мидава.

Из разорванного кокона торчали человеческие ноги в кремовых батистовых панталонах. На левой, точно в насмешку, красовался голубой башмачок с круглой серебряной пряжкой, на правой обуви не было – маленькие белые пальцы едва заметно шевелились

– Разорви его, Зебу, – прошептала Селена.

– Кого? – не понял мидав.

– Разорви кокон! Не то она задохнётся!

Зебу вырвал зубами кусок оболочки, и оттуда испуганно уставились два голубых глаза. Ещё тут был вздёрнутый носик, искривлённые в потешной гримаске ярко розовые губы и расчёпаные волосы льняного цвета.

– Кто вы? – пискнула девочка и тотчас принялась вырывать из пут. Её руки всё ещё были связаны, и выбраться на свободу никак не удавалось.

– Вытащи меня! – приказала девочка Зебу.

Мидав легко разорвал кокон, выпуская пленницу на волю. На вид малышке можно было дать не больше семи лет, до того она была крошечной, но суровый взгляд, чёткая речь и гордая осанка ясно свидетельствовали в пользу более старшего возраста.

Некогда роскошное голубое платье из ливарийского шёлка сильно пострадало в схватке с хищником – юбка была разорвана сверху донизу, левый рукав растерзан в клочья, но на

руках и ногах девочки виднелись лишь мелкие царапины, ни одной серьёзной раны. Возможно, плотная ткань и нижние юбки защитили кожу от зубов хищника или обычное везение спасло маленькую путешественницу, а, скорее всего, килькир просто был сыт и не собирался убивать её раньше времени.

Девочка величественным жестом расправила остатки мокрого платья и гордо выпрямила спину, но тут же поскользнулась и была вынуждена схватиться за ближайшее дерево:

– Кто вы такие?

Мидав сверкнул глазами, и Селена ответила за двоих:

– Моё имя – Селена Кариг, это Зебу Зегда, сын паргалиона Зегды, командира белых мидавов.

Незнакомка задумалась, что-то припоминая:

– Белых мидавов... Отлично. А твоё имя я слышу впервые.

– Я не слишком известна в Тарии.

– Ты не из благородной семьи? Кто твой отец?

Селена и Зебу переглянулись. Девочка задавала странные вопросы.

– Мой отец – Никлас Кариг. Раньше он служил придворным лекарем.

– Никлас Кариг, придворный лекарь! – неизвестно чему обрадовалась девочка. – Я его не помню, но мои родители часто говорили о нём, когда кто-то болел.

– Ты из королевской семьи? – удивился Зебу.

Незнакомка мгновенно надулась и даже стала казаться выше ростом:

– Называй меня «ваше Высочество», мидав! Я – принцесса Лайда из рода Билеанов, и ты должен обращаться ко мне почтительно!

– Как прикажете, ваше Высочество, – Зебу расшаркался с нескрываемой иронией. – И прошу прощения, если оскорбил вас. Думаю, его Величество король Шамшан будет страшно рад вашему возвращению.

Принцесса часто заморгала, скорчила обезьянью гримасу и вдруг шлёпнулась на траву, отчаянно зарыдав.

– Зебу, зачем ты так?! – зашептала Селена. – Бедная девочка! Её родители погибли, а ты...

– А я, – произнёс мидав язвительно, – терпеть не могу заносчивых поганок! И к принцессам это тоже относится. Если бы не мы, она сейчас была бы обедом килькира, а ему всё равно, к какому великому роду принадлежит его еда!

Он говорил достаточно громко для того, чтобы Лайда могла его услышать. Девочка вдруг перестала рыдать, вытерла нос обрывком рукава и поднялась, гордо вытянув шею:

– Благодарю, что спасли мне жизнь и дарую вам прощение.

Зебу фыркнул, а Селена протянула к принцессе руки:

– Вы вся дрожите, ваше Высочество. У меня в сумке есть сухое платье, я принесу...

Лайда едва заметно кивнула, позволяя новой знакомой себя переодеть.

Селенино платье из тонкого розового сукна было ей настолько велико, что даже подпоясанное обрывком верёвки и несколько раз подогнутое на поясе висело мешком, доставая до щиколоток. К счастью, Зебу удалось отыскать в прибрежных зарослях осоки второй башмачок, правда, скукожившийся от воды, но всё же абсолютно целый.

– Он слетел, когда я упала, – пояснила принцесса.

Пока девочки занимались Лайдиным нарядом, Зебу прошёлся по лесу. Никакой тропинки, по которой можно было выйти к большой реке он, правда, не нашёл, зато насобирал хвороста, и Селена смогла развести костёр. Принцесса была голодна – похоже, она не ела целую вечность, но королевское воспитание проявлялось во всём, и вместо того, чтобы наброситься на предложенный окорок, девочка отщипывала мясо крошечными кусочками, кокетливо оттопырив мизинец.

– Как вы здесь оказались, ваше Высочество? – спросила Селена, когда принцесса утолила голод и напилась терпкого магрового сока.

– Я убежала.

Девочка вновь заплакала, уткнувшись лицом в колени, и Селена осторожно погладила её по голове:

– Всё позади, ваше Высочество. Всё кончилось.

– Они убили моих родителей и брата, и сестёр, и всю прислугу, которая была с нами, – принцесса говорила сквозь всхлипывания, так, что было трудно разобрать слова.

– Вы это видели?

– Конечно, нет! Нас захватили во дворце. С нами были только пятнадцать человек из личной гвардии короля.

– Короля охраняли пятнадцать гвардейцев? – не поверил Зебу.

– Это Шамшан всё подстроил. Он мерзавец! Я мало что видела. Меня отвели в мои комнаты и оставили там одну. Я сидела там очень долго. Потом приехал Шамшан.

– Откуда же вы знаете, что он приехал, если были в своих покоях? – удивилась Селена.

– Я слышала его противный голос... И крики... Какой-то мидав доложил, что короля, королеву и детей...

Она вновь глухо зарыдала.

– Почему они не убили *тебя*? – задумчиво проговорил Зебу.

Принцесса подняла на него покрасневшие глаза:

– Это всё женщина...

– Какая женщина? – не поняла Селена.

– Не знаю. Там была какая-то женщина. Она сказала: «Привезёшь девчонку ко мне». Они разговаривали прямо за моей дверью. Я пыталась посмотреть в замочную скважину, но ничего не увидела – только краешек её платья. Тёмно-зелёный шёлк с нежным голубоватым отливом. Наши ткачи не умеют делать такое.

– Мы говорили не о платьях, – напомнил Зебу.

– Да, конечно. Когда стемнело, за мной пришли двое незнакомых людей. Должно быть, их прислал Шамшан. Меня посадили в карету без гербов и куда-то повезли. Эти двое сидели рядом, и я даже не могла высунуться. Мне было так страшно! Мы ехали довольно долго, и карету стало сильно трясти. Я догадалась, что хорошая дорога кончилась, и начались бедняцкие кварталы. Потом карета внезапно остановилась. Кто-то приказал отпустить пленницу, то есть меня. Мои провожатые выскочили из кареты, завязалась драка. Пока они бились, я тихонько выбралась и побежала со всех ног. Не знаю, что происходило у меня за спиной – я бежала пока не оказалась на берегу реки. Там была привязана рыбацкая лодка. Я отвязала её и поплыла подальше от Шамшана и его слуг. К утру я совсем выбилась из сил. Я стёрла руки в кровь, – принцесса ткнула Селене в лицо красные сморщенные ладошки. – Когда начало светать, я разглядела вдалеке корабль. Это Шамшан послал за мной. Я так испугалась! Тут впереди показалась эта проклятая речка, и я решила спрятаться здесь пока корабль не пройдёт. Я не спала всю ночь и до смерти устала, поэтому решила вздремнуть в лодке у берега. Тогда на меня и напало это чудовище. Остальное вы знаете.

– Вы приплыли сюда на лодке? – Селена даже не пыталась скрыть охватившее её ликование. – И где же она?

– Где-то там, – принцесса ткнула пальцем в сторону реки, – в камышах.

Зебу помчался в указанном ею направлении и вскоре девочки услышали радостный крик:

– Лодка здесь! Целёхонька!

– Придётся нам отправиться вместе, ваше Высочество, – улыбнулась Селена

– Куда же?

– В Туф.

Принцесса отчаянно замотала головой:

– Я не поеду в Туф. Там Шамшан.

– Мы вас спрячем, – пообещала Селена. – Простите, ваше Высочество, но нам с другом очень нужно в столицу, и для вас будет куда безопаснее плыть с нами, чем болтаться здесь в одиночестве, пока кто-нибудь не схватит вас и не передаст Шамшану.

– К тому же лодку мы тебе всё равно не отдадим, – сообщил вернувшийся мидав.

– Зебу! – шикнула на него Селена.

– Я просто говорю то, что думаю. Нам нужна лодка и мы её возьмём, а её Высочеству принцессе Лайде из рода Билеанов нужны мы, чтобы не попасться Шамшану в лапы.

Принцесса скривилась, но промолчала. Дело оставалось за малым – выбраться к Лее, не став обедом килькира. Селена разложила на траве книги и принялась думать.

Спустя время, у неё созрел рискованный план.

– Зебу! – позвала девочка.

Мидав высунулся из-за дерева:

– Неужели в твоей книге и впрямь написано, как его убить?!

– Не совсем. Но я знаю, что делать! Будем ждать темноты.

– Это ещё зачем?!

– Килькиры боятся света белой луны. Учёные говорят, это из-за того, что когда-то на них охотились гигантские светящиеся малаеатусы. Они давно вымерли, но килькиры до сих пор не выходят на поверхность в белолуние.

– И что с того?

– Будем выбираться при лунном свете.

– Это безумие! – взвился Зебу.

– Я не поеду! – завизжала принцесса.

Селена пожала плечами:

– Можете оставаться. Когда доберусь до города, пришлю вам кого-нибудь на подмогу.

– А если он сожрёт тебя и разломает лодку?!

– Тогда вам придётся выбираться самим.

Зебу зашевелил губами, раздумывая:

– Ты уверена, что он боится луны?

– Так написано в книге.

Мидав недоверчиво скривился, но спорить не стал.

Когда луна выползла из-за верхушек деревьев, и на поверхности воды затрепетали первые блики, путники погрузили вещи в лодку. Селена отыскала под ногами корявый сук и зашвырнула его на середину речки. Две утки взметнулись вверх из прибрежных зарослей. Килькир не появлялся.

– Пора, – шепнула девочка.

Принцесса легко скользнула в лодку, Зебу прыгнул следом. Последней негостеприимный берег покинула Селена. Оттолкнувшись веслом от коряги, она направила лодку к лунному пятну. Стояла пугающая тишина. Только лёгкий плеск воды и сбивчивое дыхание путников нарушали ночное безмолвие.

Пока лодка держалась на свету, всё было спокойно, но вот русло сделало поворот, и луна скрылась за деревьями. Лайдины зубы мелко застучали. Послышался громкий всплеск, и Селена ахнула, ожидая нападения, однако ничего не произошло.

– Выдра, – успокоил Зебу.

В это мгновение что-то с силой качнуло лодку.

– Килькир! – завопил мидав.

– Гребите! – крикнула Селена, хватая весло. – И раз! И два!

Они принялись грести вдвоём, и лодка рванула вперёд.

– И раз! И два! – командовала Селена.

Килькир ударил в дно, едва не перевернув лодку. Лайда пронзительно завизжала. За поворотом вновь показалась лунная дорожка.

– На свет! – крикнула Селена. – И раз! И два!

Когда до цели оставалось совсем немного, рогатая голова вновь мелькнула за бортом. Селена ткнула килькира веслом, тот извернулся, готовясь к прыжку, но в это время лодка вырвалась к свету.

Чудовище дёрнулось, точно обжёгшись, и ушло под воду. До Леи оставалось не больше пятидесяти шагов. Принцесса жалобно всхлипнула.

– У нас получилось! – Селена бросилась обнимать мидава.

– Не двигайся! – пробурчал тот, тяжело дыша. – Если перевернёшь лодку, эта тварь нас точно сожрёт.

– Не посмеет! – радовалась девочка. – Тут свет! Много света! Мы спасены!

Мальчик из племени амату

Солнце едва начало клониться к закату, когда Никлас вошёл в город по дороге Трёх мельниц. Оставив лошадь на постоялом дворе «Зелёная мельница», где он всегда останавливался, когда навещался в Туф по делам, мэтр Кариг миновал городские ворота и двинулся пешком через Серый квартал мимо городского кладбища и бедняцких домов, похожих на взъерошенных серых воробышек.

Квартал получил своё название из-за царившей повсюду серости: серые дома, серая земля, серые от грязи одежды бедноты и серые лица людей, лишённых привычных для горожанина житейских благ. Здесь не было ни украшенных лепниной фасадов Золотого квартала, ни строгой геометрии квартала Сов, ни кипучего веселья квартала Торговцев. В Сером квартале селились в основном обедневшие крестьяне, пришедшие к городским стенам в поисках защиты и пропитания, но не нашедшие ни того, ни другого.

Хуже дела обстояли только в квартале Крыс, где обитали попрошайки, воры и воришки, а также мошенники, грабители и убийцы, а в переулках у костров собирались по ночам самые настоящие разбойничьи шайки.

Никласу много раз доводилось бывать здесь прежде. В центральные районы можно было попасть лишь пешком – передвижение на лошадях там разрешалось только членам королевской семьи и представителям знати.

Серый квартал, несмотря на восстание, жил привычной серой жизнью: по улицам бродили измождённые люди, босоногие дети в холщовых рубахах тузили друг друга или просто сидели на обочине, глотая дорожную пыль. Некоторые с любопытством поглядывали на нездешнего господина. Никлас был одет скромно, по-дорожному, но даже этот простой по меркам зажиточного тарийца костюм был непривычно роскошен для жителей Серого квартала.

Несмотря на косые взгляды, доктор Кариг был спокоен: местные жители слишком ценят расположение властей, чтобы среди бела дня нападать на путешественника ради кошелька с несколькими монетами.

Вскоре Никласу повстречался первый патруль: два палевых мидава с повязками Белого отряда задержали его для проверки у здания богадельни.

– Кто такой? Откуда? Куда? – спросил тот, что был помельче.

– Доктор Никлас Кариг из Ольва. Иду на городской рынок по личному разрешению паргалиона Зегды, – выдал Никлас заготовленную фразу.

Закари Зегда был командиром Белых мидавов. Название подразделения, однако, не вполне точно отражало суть – в подчинении у паргалиона находились не только белоснежные, но также бело-рыжие, бело-серые и палевые бойцы.

Мидавы расступились, и тот, что был покрупнее, предупредил:

– Поосторожнее в городе, мэтр Кариг. У нас нынче неспокойно.

– Благодарю вас... – Никлас покосился на повязку с двумя серебряными башмачками, украшавшую лапу мидава. – Благодарю вас, либерион. Я буду осмотрителен.

Вскоре жалкие лачуги Серого квартала сменились разноцветными домиками квартала Соек. Местные обитатели, как и их жилища, были столь не похожи друг на друга, что квартал напоминал пёстрый ковёр, сотканный из тысяч разноцветных нитей. Здесь на одной улице можно было запросто встретить и смешливую белошвейку, и гадалку по костям, и смуглокожего посланника из Красной Земли в переливающимся жёлтом балахоне, расшитом сотнями бусин, и наглухо упакованного в бычью кожу сурового кочевника из племени амату с неизменным бичом, торчащим из-за пояса.

Толпа вынесла доктора Карига к Воздушному мосту, названному так из-за опор и перил, щедро украшенных серо-голубыми барельефами, и оттого казавшихся сотканными из воздуха.

Отсюда было рукой подать до Лунной арки, за которой начиналась площадь Мечей с роскошным королевским дворцом, но путь Никласа лежал в обход площади к знаменитому кварталу Сов.

Там, в святая святых всех учёных Тарии, располагался не только Королевский Университет, но и множество больших и малых лабораторий, где ежедневно совершались невероятные открытия. Когда-то Никлас тоже был частью этого чудесного мира, но, отойдя от дел, покинул Туф, чтобы поселиться в уединённом Ольве и продолжить исследования в собственной крошечной лаборатории, заметно уступавшей в размерах даже самой маленькой из лабораторий квартала Сов.

Доктор Кариг ни о чём не жалел. Ему нравилась уединённая провинциальная жизнь, её размеренное течение и предсказуемый уклад, но дела всё же нередко приводили его в столицу. Если не считать городского рынка, где можно было раздобыть без преувеличения всё, что угодно, излюбленным местом доктора Карига был дом его старого друга и учителя магистра Гастона.

В бытность Никласа студентом сверх меры одарённый молодой человек преподавал в университете сразу три дисциплины. Он был старше своего ученика всего на несколько лет, и между ними вскоре возникла сердечная дружба, сохранившаяся и после того, как магистр Гастон бросил преподавание, всецело отдавшись химическим опытам, а Никлас переехал в Ольв и зажил столь приятной ему провинциальной жизнью. Теперь старые товарищи виделись нечасто, но, приезжая в Туф, доктор Кариг непременно заходил в квартал Сов к своему другу. Сейчас он держал путь именно туда, и повод для визита у него был куда более веский, чем обычно.

Никлас перешёл через мост, обогнул мрачное здание Палаты Мудрейших с его знаменитой часовой башней, но не успел углубиться в квартал Сов, когда сзади послышался радостный возглас:

– Мэтр Кариг, вы ли это?!

Никлас обернулся. Прямо за его спиной, довольно улыбаясь, стоял Кассис Мудрый, один из шестнадцати членов Совета Мудрейших, прежде возглавляемого Шамшаном. Это был непомерно толстый человек лет тридцати с маленькими блестящими глазками и огромным ртом, который постоянно, будто бы помимо воли хозяина, складывался в широкую кривую улыбку.

Десять лет назад, когда доктор Кариг занимался врачевательством в Туфе, Лафер Кассис ещё не назывался Мудрым. Сказать по правде, его мудрость и ныне была сомнительной, однако верная служба принесла плоды. Его путь от личного помощника Шамшана Мудрейшего до одного из самых влиятельных людей Тарии был недолог, и на протяжении шести лет Кассис гордо носил кобальтовую мантию Мудреца.

Встреча не предвещала ничего хорошего, а потому Никлас решил отделаться от старого знакомого как можно скорее.

– Приветствую вас, Кассис Мудрый, – кивнул он.

– О, нет! – жирное тело Мудреца затряслось в такт хихиканью. – Отныне ко мне следует обращаться «ваше Мудрейшество».

– Неужели? Примите мои поздравления. Должность Мудрейшего весьма почётна.

– Разумеется! – обрадовался Кассис. – Его Королевское Величество Шамшан Первый милостиво изволили произвести меня в эту должность в конце краснолуния. Доброе знамение, не правда ли?

– Полностью согласен. Однако я очень спешу. Прошу простить, но я вынужден...

Толстые губы Кассиса вытянулись в трубочку, а после безвольно повисли, придав лицу неожиданно печальное выражение. Оглядев Никласа, толстяк проговорил фальцетом:

– Ни в коем случае! Вы – тот, кого я искал.

– Помилуйте! – рассердился доктор Кариг. – Никто не знал, что я в городе, а, значит, вы не могли искать меня.

Взгляд Кассиса вдруг стал жёстким и цепким:

– Вы правы. Я искал другого, но нашёл именно вас, и это очень удачно. Мне срочно нужен лекарь. Лучший лекарь в городе. Если бы вас тут не было, я обратился бы к другому, но вы здесь, следовательно, я должен привести *вас*.

– Мне льстит столь высокая оценка моих скромных умений, но, позвольте полюбопытствовать, кому требуется помощь?

Кассис воздел палец к небу, точно указывая на проплывающие облака:

– Вы удостоены великой чести, мэтр Кариг. Ваши услуги требуются его королевскому Величеству Шамшану Первому.

Никлас постарался не выдать охватившего его беспокойства. Встреча с узурпатором не входила в его планы, более того, могла их нарушить, но отказать Кассису было по известным причинам невозможно.

– Ведите меня, ваше Мудрейшество, – незамедлительно согласился он.

Сопровождаемый Кассисом, Никлас вновь обошёл Палату Мудрейших, миновал Лунную Арку и конный монумент основателю династии королю Тиру Первому и ступил во двор прекраснейшего дворца Тарии. Прежде он часто бывал здесь, и с момента его последнего визита во дворе почти ничего не изменилось, если не считать того, что охрана, служившая свергнутому королю Тиру Двенадцатому и Первому марсию⁶ Тумаю, прозванному Великим, теперь почтительно расступалась перед ничтожным подхалимом Кассисом.

Поднимаясь по мраморной лестнице, Мудрейший запыхался – его лицо угрожающе покраснело, а маленькие пороссячи глазки налились кровью.

---

⁶ Первый марсий – должность, соответствующая нынешней должности Премьер-министра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.